

«ПОЙ В ВОСТОРГЕ, РУССКИЙ ХОР...»

К 185-летию со дня рождения М. И. Глинки

Если вам повезет попасть в Ленинград в мае—июне и вы захотите ощутить, что же такое знаменитая белая ночь, не спешите сразу к Неве. Отправляйтесь вдоль безлюдного в эти часы канала Грибоедова, пройдите по гулким каменным плитам, уложенным у чугунной ограды, почувствуйте прелесть кварталов старого Петербурга в «прозрачном сумраке» безлунной ночи. А за пленительным и сказочным Львиным мостиком сверните вправо и увидите бронзовую фигуру человека, который слегка склонил голову, словно прислушался. Это великий Глинка...

ПОНЯТНО, почему он встал навечно здесь, на Театральной площади, у стен нынешней консерватории. На месте ее раньше находился самый популярный в Петербурге Большой (Каменный) театр. Здесь было много важных событий в жизни Глинки. И самое главное — его «звездный час» в 1836 году: «На большом театре сегодня в пятницу 27 ноября российскими придворными актерами представлено будет в первый раз «Жизнь за царя», оригинальная большая опера в трех действиях с эпилогом, хорами и танцами».

Поднялся занавес. Впервые на этой сцене, где персонажи из народа появлялись только в бытовых, большей частью комических эпизодах, простой мужик оказался героем, совершающим патриотический подвиг, поющим истинно русские мелодии. И переполненный зал, где в 11-м ряду сидел Пушкин, наградил Глинку громкими аплодисментами. В антракте его пригласил в свою ложу Николай I и «выразил одобрение». Пожалуй, только это обстоятельство заставило замолчать многих аристократов, с презрением отзывавшихся об опере — «кучерская музыка».

Истинные же ценители народного искусства встретили оперу восторженно. На торжественном обеде в честь автора Матвей Виельгорский, Вяземский, Жуковский и Пушкин экспромтом в четыре пера написали «Шуточный канон», в котором, впрочем, вполне серьезно воздали Глинке за прекрасный подарок русской культуре. Первым читал свой куплет Виельгорский:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.

Веселись, Русь! Наш
Глинка—

Уж не Глинка, а фарфор!

А заканчивал канон Пушкин:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,

Пусть скрежещет, но уж
Глинку

Затоптать не может в грязь.

Спустя шесть лет в том же Большом театре шли репетиции второй оперы Глинки—«Руслан и Людмила». В комнате режиссера, невзирая на шум, шарканье ног и разговоры, Глинка писал гениальную увертюру. В истории музыки не много найдется композиторов, способных мысленно, «про себя», до самых мельчайших деталей продумывать сложнейшие места сочинений. У Глинки творчество внешне выглядело именно так. Он почти никогда не писал набросков, разве лишь темы для памяти. Обработка сочиненного, мучительная отделка за столом практически были ему не знакомы.

Оптимист по натуре, но постоянно неустроенный в домашнем быту, так и не узнавший счастья в семье, Глинка не привык к «соседней» жизни. Часто будущие шедевры он обдумывал в пути—в дальней дороге либо на обычной городской прогулке. Неделями, а то и долгими месяцами он жил на квартирах родственников или приятелей, попадая то в шумные застолья, то в спокойный ритм чужих семей. Но музыка никогда не отпускала его.

В доме своих друзей Степановых на Фонтанке он записал «Ночной Зефир» и сцену сказочной Головы из «Руслана». А в Фонарном переулке, у братьев Кукольников, где не раз жил наездами,—одно из самых поэтических созданий «Вальс-фантазия». По-видимому, в Смольном, где жил он тогда на квартире своей младшей сестры, был написан романс «Я помню чудное

мгновенье». Если Пушкин посвятил эти строки Анне Керн, очаровавшей его, то Глинка переложил стихи на музыку в честь ее дочери Екатерины, самой большой любви композитора...

В музыке была вся его жизнь. По семейному преданию, когда он появился на свет, соловей заливался в густом дереве под окном комнаты, где лежала молодая мать. И первый крик младенца сопровождали трели соловья. Потом всю жизнь он любил петь и играть. Его грудной, звучный, необыкновенно гибкий тенор, блестящие, виртуозные импровизации на рояле с удовольствием слушали в лучших салонах Петербурга, посылая приглашения друзьям и знакомым, как вспоминала А. П. Керн, «на чай и на Глинку».

Он щедро дарил свой талант всем, кто собирался на такие вечера, порой строгие и чопорные, а иногда и забавные. Как в доме председателя Государственного совета Кочубея, где Глинка в парике с длинными распущенными волосами и в женском платье вдохновенно исполнял партию доины Анны в мюзартовском «Дон Жуане».

Лучшие музыканты Европы признали в нем выдающегося мастера. Когда в Петербург приехал Лист, он много часов провел вместе с Глинкой, великолепно импровизировал, например, на тему марша Черномора из «Руслана». И как дико было слышать прославленному музыканту от брата царя, Великого князя Михаила Павловича: мол, неужели может нравиться «Руслан и Людмила»? Сановный ценитель изящных искусств признался откровенно, что посылает провинившихся офицеров вместо гауптвахты слушать «Руслана».

...Рояль Глинки и некоторые другие его вещи, сбереженные сестрой композитора Л. И. Шестаковой, хранятся ныне в Музее музыкальных инструментов на Исаакиевской площади. Есть здесь и старинная скрипка итальянской работы, на которой играл Глинка, и столик, где ему хорошо работалось. Тут же открылась небольшая экспозиция сочинений композитора и книг о нем. На одном из стендов — небольшая книга советского композитора и музыковеда академика Б. В. Асафьева о Глинке. Он сочинял ее тяжелой блокадной зимой 1941—1942 годов. Ослабевший от голода, академик лежал на койке в бомбоубежище бывшего Александринского театра и точно, как Глинка когда-то, создавал свою книгу о нем мысленно, главу за главой, не имея ни бумаги, ни физических сил для записей. И только когда его самолетом отправили в Москву, он перенес на бумагу книгу, за которую ему была присуждена Государственная премия.

Это была книга о народных корнях творчества Глинки, о русском гении, так нелепо погибшем от простуды на чужбине. Как это было страшно для всех почитателей таланта его узнать, что чужие руки закрывали ему глаза и ставили памятник с нелепой по дикости надписью: «Михаил Глинка, императорский русский капельмейстер». И хотя он был уже зарыт в немецкой земле, в Петербурге в Конюшенной церкви, где отпевали и Пушкина, по нему отслужили панихиду. Друзья, и прежде всего Л. И. Шестакова, решили вернуть тело композитора на родину. Что и было сделано...

А. ГЕРВАШ,

ЛЕНИНГРАД.